

27 ЯНВАРЯ
ДЕНЬ
ПОЛНОГО
ОСВОБОЖДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДА
ОТ ФАШИСТСКОЙ
БЛОКАДЫ

Это строчка из «Оды Ленинграду» Ольги Берггольц:

*Одною небывалою борьбой,
Одной неповторимой судьбой
Мы все отмечены,
Мы - ленинградцы.*

Да, те, кто пережил блокаду или умер в осажденном городе, - это, что называется, особая статья и особая тема. Но все же «одной неповторимой судьбой» с ним, этим городом, были связаны не только они и их близкие. Сопереживанием и поддержкой - можно сказать, вся страна. В том числе и Шарья - так же, как множество других городов и деревень: спасала и выхаживала маленьких ленинградцев. Да и еще немало событий и явлений в наших краях можно считать «ленинградским эхом». К нему мы еще вернемся. А пока - о тех, кто защищал Ленинград.

На линии огня

В обороне его участвовали сотни, тысячи шарыинцев. Многие из них погибли, другие ушли из жизни после войны.

Но вот имена, которые звучали чуть больше двадцати лет назад, на встрече защитников города, посвященной 50-летию прорыва блокады: уроженец деревни Еремино, член Военного Совета Ленинградского фронта, генерал-лейтенант Николай Соловьев, командир подводной лодки Александр Мыльников, командир отделения Александр Беспятых, ефрейтор Леонид Бояринов, артиллерист Дмитрий Подрядчиков, сержант Иван Головкин, сержант Михаил Сазанов из Аксенова, младший лейтенант Виктор Цветков... А еще тогда рассказывали о боевых эпизодах моряки, связисты, разведчики. Например, Леонид Гаврилович Червяков в 41-м служил на эсминце «Гневный». В ночь на 22 июня корабль по тревоге вышел в море, через сутки подорвался на вражеской мине и,

«Одной неповторимой судьбой...»

Чтобы помнили

Ладога - Шарья

*Ленинградец душой и родом,
Болен я сорок первым годом,
Пискаревка во мне живет.
Здесь лежит половина города
И не знает, что дождь идет.*

Сергей Давыдов - ленинградский поэт, вывезенный ребенком из города по «Дороге жизни». Шла она через Ладожское озеро - опасная, вздыбленная снарядами или провалами тающего льда. Но - единственная ниточка, связывающая город с Большой землей. И «продолжалась» в том числе и до Шарьи. Но пережить этот, последний отрезок, у многих уже не оставалось сил. По воспоминаниям очевидцев, страшную картину представляли ленинградские эшелоны: из вагонов выносили тела умерших, складывали на телеги... Выживших определяли на лечение либо на квартиры. Сергей приехал с матерью, но она вскоре умерла. 12-летнего мальчишку в своей комнатухе при больнице, где были и другие дети, приютила и выходила медсестра Лидия Смирнова. А потом Сергею отправили в деревню Павлово, где

Коллектив детского сада №1. А.И. Кардакова - третья справа в верхнем ряду.

«Ленинградское эхо»

Действовал в нашем городе, как известно, эвакогоспиталь, где работали и медики из Ленинграда. Ведущим хирургом был Иосиф Константинович Катерли, чьим именем сейчас названа одна из улиц Шарьи. Его внучка, известная ленинградская писательница, Нина Катерли, не раз бывала в нашем городе и не раз название его упоминалось в ее произведениях.

Из Ленинграда в Шарью было эвакуировано училище военных сообщений. Курсанты нередко помогали в каких-то городских хозяйственных делах - в строительстве или в погрузке леса и угля. Практику проходили на железной дороге.

При училище был оркестр, и на его репетиции неизменно приходил мальчишка, ученик второй школы. В конце

хорошо кормить. Супы с мясом, хлеба на 100 граммов больше, чем другим детям. Взвешивали каждый кусочек. Все воспитатели взяли шефство над двумя-тремя блокадниками.

У меня были девочки, Тома и Света. На выходные забирали их домой. Младшая так хвостиком за мной и ходила: «Ты меня не забудешь? Возьмешь с собой? Я не буду с тобой проситься на танцы, с бабушкой посижу...» - «Да как же я тебя обману, конечно, возьму».

Привезли их зимой 1942 года - полумертвых, к весне они все окрепли, волосики начали отрастать. К утрунику на 1 Мая из Светиново узла, привезенного с собой, достали платице, туфельки - и она уже выступала! Рядом с садом, в школе, располагался госпиталь - мы вообще часто ходили туда с концертами. Заводилой, организатором, была Нина Ивановна Ганина. А девочек «моих» потом разыскали и забрали родственники, братья их умерших матерей.

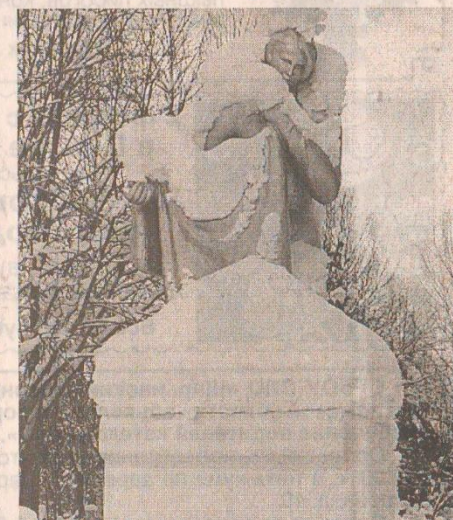
И еще одна история ленинградских детей, которые стали шарыинцами. Борис Александрович и Надежда Васильевна Паршины - ее, к сожалению, уже нет в живых. Но опять-таки давний наш разговор возвращает к тем событиям. Его вывезли из города в мирное время - к бабушке в Галич. Думали, на лето... А лето было 41-го года. Разлука с родителями оказалась вечной. Так же, как и у Надежды Васильевны.

Ее уже из военного Ленинграда от-

Дети Ленинграда

его хорошо подкормили дед Макар и тетя Прасковья. Бывал в Шарье, надевая на больные ноги специальные лапти, сплетенные дедом. Иногда заходил в дома, чтобы напиться воды. Там, где держали коров, женщины вместо воды давали молоко. Наверняка какими-то реальными событиями навеяно

прорыва блокады: уроженец деревни Еремино, член Военного Совета Ленинградского фронта, генерал-лейтенант Николай Соловьев, командир подводной лодки Александр Мыльников, командир отделения Александр Беспятых, ефрейтор Леонид Бояринов, артиллерист Дмитрий Подрядчиков, сержант Иван Головкин, сержант Михаил Сазанов из Аксенова, младший лейтенант Виктор Цветков... А еще тогда рассказывали о боевых эпизодах моряки, связисты, разведчики. Например, Леонид Гаврилович Червяков в 41-м служил на эсминце «Гневный». В ночь на 22 июня корабль по тревоге вышел в море, через сутки подорвался на вражеской мине и, добитый фашистским самолетом, затонул. Остались в живых 34 человека - в 80 километрах от берега. Поскидали с себя клещи, ботинки, взяли за руки... Когда на горизонте появились корабли, решили - если немцы, все пойдем на дно. По счастью, это были наши катера. Их подобрали и пересадили на баржу. Но не все оказалось так просто: нашлись предатели, которые захватили управление судном и направили его к немцам: об этом скороговоркой поведал морякам появившийся в люке кочегар. Что делать? Из оружия - только флотские ремни с бляхами. Видимо, сослужили они хорошую службу и вместе с фактором внезапности ситуацию повернули, как надо. Оригинальная была картина на берегу, когда 34 моряка босиком, в тельняшках, подпоясанных ремнями, прошествовали к вокзалу, а оттуда поездом в Ленинград, где их определили на эсминце «Стройный». С Невы корабль мощными снарядами обстреливал вражеские позиции. А жена военмора, Варвара Емельяновна, работала в санитарном поезде, сопровождая эшелоны с ленинградцами в эвакуацию. Но трижды она вызывалась ехать по «дороге жизни» в блокадный город, чтобы уже оттуда вывозить людей, а главное - увидеться с мужем.

Года два назад, в разговоре с Александром Васильевичем Смирновым, бывшим когда-то редактором «Шарьинского пролетария», мы в его военной биографии дошли до «тех, кто в Ленинград пробирался болотами» - участником одного из таких походов он и был, вместе со своим пулеметом. А еще он был большим знатоком и любителем кино. На этой почве всплыло имя Гриши Бубекова, легендарного киномеханика, любимца всей шарьинской округи, который крутил фильмы неисклю-чительно деревенским зрителям: в рассказах старожилов о довоенной жизни он часто упоминался, а после войны - нет. «Вы случайно не знаете его судьбу?» - «Знаю, - отозвался Александр Васильевич. - Он погиб на моих глазах в этом самом рейде. Гриша был минометчиком. Им три раза с одного места стрелять нельзя, засекают. Он сделал два выстрела и не успел сменить позицию. Прямым попаданием его накрыло. Собрали мы то, что от него осталось, там и похоронили».

Дети Ленинграда

его хорошо подкормили дед Макар и тетя Прасковья. Бывал в Шарье, надевая на больные ноги специальные лапти, сплетенные дедом. Иногда заходил в дома, чтобы напиться воды. Там, где держали коров, женщины вместо воды давали молоко. Наверняка какими-то реальными событиями навеяно его стихотворение «Зачем волшебнику штаны?»

*Встают былого тени,
Лишь память шевельни,
Мне вспомнился волшебник
Из маленькой Шарьи.
На рынок каждым утром
Он гордо приходил.
На нем из плюша куртка,
На нем штаны из дыр.
Гадал вдове-солдатке,
Что муж ее - живой,
Мол, писари солгали,
И он придет домой.
Гадал толпе угрюмой,
Не верящей всерьез
Тому, что Гитлер умер,
Подох давно, как пес...*

Словом, этой светлой личности, бескорыстно пытающейся скрасить трудный быт, бабы в конце концов скинулись на штаны. Деньги он потратил на хлеб для мальчишек.

*Глядел, как мягким хлебом
Давились пацаны,
Вздохнул: «Ведь я волшебник,
Зачем же мне штаны?»*

«Ты меня не обманешь?»

Анна Ивановна Кардакова, которой недавно исполнилось 90 лет, долго работала в детском саду №1 - со времен войны. Она и сейчас живо воспроизводит все подробности тех лет:

- Я помню, как привезли к нам ребятишек-блокадников, 13 человек. Прибыли они из Тихвина в вагонах-теплушках. Выезжали с матерями, доехали - сиротами. Матерей их похоронили здесь.

Дети - страшно истощенные, волос нет, почти не ходили, плохо двигались. До этого в саду была санаторная группа. Детей из нее перевели в другие, а в этой спальне поместили ленинградцев. Начали мы их потихоньку выхаживать. У нас было свое хозяйство: две коровы, лошадь, свинья с поросятами... Работница тетя Мотя подоит корову - и несет парное молочко. Завернем их в одеяла, посадим к печке, медсестра Ольга Александровна понемножку их поит. Ребятишки начали оживать. Позднее, когда уже было можно, стали

ходили туда с концертами. Заводилой, организатором, была Нина Ивановна Ганина. А девочек «моих» потом разыскали и забрали родственники, братья их умерших матерей.

И еще одна история ленинградских детей, которые стали шарьинцами. Борис Александрович и Надежда Васильевна Паршины - ее, к сожалению, уже нет в живых. Но опять-таки давний наш разговор возвращает к тем событиям. Его вывезли из города в мирное время - к бабушке в Галич. Думали, на лето... А лето было 41-го года. Разлука с родителями оказалась вечной. Так же, как и у Надежды Васильевны.

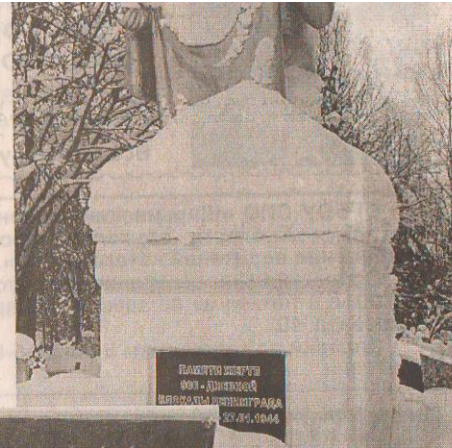
Ее уже из военного Ленинграда отправили в Буй. В Шарью-то в конце концов они попали уже взрослой семейной парой. Борис Александрович долгое время работал в «Шарьядрев», Надежда Васильевна - в железнодорожной милиции. А детские ее впечатления...

- Как плакала мама, провозжая меня в Волховстрое... Мне было лет шесть, но наш ленинградский адрес я помнила наизубок: Лахтинский проспект, 102. И всегда хотела там побывать, хотя это была уже не наша квартира, мама погибла. И все же я там оказалась - спустя 40 лет. Сразу узнала этот дом: флигели, балконы, террасы. Вошла внутрь, закрыла глаза и говорю: «Я все помню! Здесь - поворот налево, у окна - стол. На столе - примус. Коридорчик. В углу - наша дверь. Именно так оно все и было».

А Борис Александрович возвращался в родной город мальчишкой. Из родственников осталась тетка матери, которая пережила блокаду. Учился в ремесленном, где в группе были одни сироты и детдомовцы.

Б.А. Паршин.
Ленинград

концов его преданность музыкальным занятиям оценили, провели «экзамен» - способности оказались блестящими, «усыновили», взяли с собой в Ярославль,

а затем - в Ленинград. Таково начало пути замечательного композитора Владлена Чистякова, автора музыки ко многим фильмам. И - «Марша моряков-подводников», посвященного памяти его племянника, «нашего» Леонида Рябинина.

Есть одно очень интересное пересечение судеб - поэта Сергея Давыдова и музыканта Владлена Чистякова. Могли ли они в войну мальчишками встречаться здесь? В дебрях Интернета любители истории города Андрей Смирнов отрыл информацию, что, оказывается, Сергей Давыдов тоже был принят в Шарье воспитанником в муззвод, в училище военных сообщений. Время и место совпадают. Только позднее их пути, очевидно, разошлись: Чистяков, который был младше, поступил в музыкальное училище и консерваторию. А Давыдов перешел в зенитно-артиллерийский полк, окончил полковую школу в звании сержанта и еще успел повоевать, уйдя на фронт в 16 лет.

Надо сказать, что культурная история Шарьи вообще прочно связана с ленинградцами. Как возникла музыкальная школа? Ее основали и были в ней первыми преподавателями ленинградские музыканты, которые и после войны остались здесь. Некоторые даже и жили прямо при школе.

Но, конечно, самое зримое отражение блокады - это памятник ленинградцам, умершим в Шарье. Их немало похоронено на нашей «малой Пискаревке». Но все-таки это торжественное и скорбное напоминание о них хранит в себе и эхо спасенных жизней - их тоже было немало, связавших наши два города «одной неповторимой судьбой».

Ирина СЕМЕНОВА.